

*А.С. Костомаров**

К ИДЕЕ СОЦИАЛЬНОЙ МАСКИ В СОВРЕМЕННОЙ ФИЛОСОФИИ

Статья посвящена анализу идеи социальной маски в современной философии, представленной в контексте кризиса значений Я. Исследование маски в современной философской мысли дает возможность увидеть те смыслы, которые обнаруживает субъект, выбирающий маску формой своего бытия в социокультурном пространстве, и то, как выстраивается коммуникация масочного субъекта с этим пространством. Обращение к субъекту, который конституирует реальность через маску, позволяет рассмотреть как определяемую через маску самоидентификацию, так и ее результат – индивидуальный способ бытия человека в социальном пространстве.

Величайшие мыслители, начиная с эпохи античности, принимались за решение проблемы маски, пытались разгадать ее загадку, а она все не дает собой овладеть, скользит в руках, вырывается и снова возвращается, как дерзкий вызов, бросаемый философской мысли. Идея маски не была должным образом представлена ни в трансцендентальной философии с ее классической метафизикой, ни в современной философской культуре. На разных этапах развития культуры маска приобретала свои значения: то это предмет магического ритуала, то это явление праздничной культуры (карнавал, маскарад), то это *modus vivendi* социальной жизни. Культура начала XX века, осваивая, изучая и обобщая опыт прошедших эпох, до конца не принимает ни одного из более или менее устоявшихся значений маски, предлагая свою собственную интерпретацию, впрочем, довольно многозначную, концентрируясь преимущественно на отношениях маски и социального пространства, акцентируя внимание на проблемах многообразия способов коммуникации Я и социального, а также потери лица в результате этого процесса. Важно отметить, что в философской мысли маска присутствует латентно, неявно, она всегда не названа, скрыта, потаенна

Современное социокультурное пространство с многообразием присущих ему практик ставит человека перед необходимостью постоянно обнаруживать, определять, опознавать себя, поэтому субъект постоянно оказывается в ситуации самоидентификации. Присутствие субъекта в социальном пространстве неразрывно связано с исполнением заданных ему функций, ролей, стереотипов, формирующих тот социальный облик, в соответствии с которым он существует и который он получает извне, облик, который становится маской, скрывающей его индивидуальное Я. Здесь и возникает проблема самоидентификации Я и поиска форм его реализации, которая становится возможной через маску, избираемую субъектом как средство игры со связями, определяющими его положение в социальном пространстве. Обращение к субъекту, который конституирует реальность через маску, позволяет рассмотреть как определяемую посредством маски самоидентификацию, так и ее результат – индивидуальный способ бытия человека в социальном пространстве.

* © Костомаров А.С., 2005

Костомаров Артур – кафедра философии гуманитарных факультетов Самарского государственного университета

Идея маски в современной культуре обнаруживает себя в ситуации кризиса значений Я, представленной в фундаментальной онтологии М. Хайдеггера. Попадая в пространство публичного (Das Man), Я, по мысли М. Хайдеггера, подвергается обезличиванию, теряет свою единичность, становясь анонимным, отчужденным, существующим в несамим-собой-бытии. Таким образом, человек теряет связь со своими аутентичными возможностями, конституируя себя как не-Я, что и является способом присутствия Я в Das Man. «Как человеко-самость присутствие всегда рассеяно в людях и должно сперва найти себя... Если, однако, присутствие само в толках публичной истолкованности подает себе самому возможность затеряться в людях, подпасть беспочвенности, то этим сказано: присутствие готовит себе самому постоянный соблазн падения... Человек-самость все громче и чаще говорит Я-Я, ибо, по сути, она не есть собственно она сама и уклоняется от собственности способности быть» [1. С.129,322]. Здесь обнаруживается проблема социального как обезличенного анонимного пространства, которое приводит к забвению индивидуального смысла бытия, создавая многочисленные и разнообразные трафареты лиц, маски.

Попадая в пространство Das Man, Я подвергается его влиянию и воздействию, в результате чего неизбежно раскалывается, дробится, таким образом, найти себя и узнать себя становится невозможным. У Я возникает соблазнительное искушение принять сформировавшееся не-Я за Я-собственное, перепутать их, воспринять собственное ограниченным, застывшим существующим по законам Das Man, конституируя Я как ошибку, впадая в самообман. «Падающие бытие-в-мире, само себя соблазня, вместе с тем самоуспокоительно ... и вместе с тем отчуждающее» [1. С.322].

Философ говорит о том, что, поддаваясь соблазнам Das Man, Я все более и более включается в жизнь своего не-Я, сливаясь с ним и растворяясь в нем. В итоге Я принимает за подлинную реальность мираж присутствия в Das Man, но при этом этот облик Я в Das Man выступает неотъемлемой частью самого Я, его жизни, это есть сама его маска, которую Я получает в Das Man. Таким образом, Das Man, как интерпретируют Хайдеггера Ж. Делез и Ф. Гваттари, оказывается абстрактной машиной лицеобразования, или, применяя их термин, абстрактной машиной фициальности (la visageite) [2. Р.174]. Лицо-машина (абстрактная машина фициальности, Das Man) – это такое лицо, которое вопреки своей анатомической норме ведет себя по законам механизированного тела. Это, по существу, лицо, превращенное в тело-машину, которое и задает маску для Я. Это такая маска, которую Я невольно усваивает и которая существует, функционирует подобно машине, неся в себе анонимность, безликость, одномерность. Собственное же лицо как выражение индивидуальности возникает в результате деформации этой абстрактной машины, т.е. пространства Das Man.

Собственное лицо проступает в момент осознания того, что лицо-машина есть его маска, порожденная Das Man. Ответом субъекта на вызов пространства Das Man является собственное индивидуальное Я, избирающее маску, которая становится способом ухода от угрозы быть потерянным в Das Man, от страха подчинения, защитой от застывшего состояния, и тем самым маска становится способом обретения своего лица. Игра с маской выступает способом сохранить личное пространство, свою приватность. Маска позволяет отдать себя, сохранив себя, так как потребность надеть маску «возникает в момент осознания несоответствия реального Я должному Я» [3. С.134].

Обращение к идеям Хайдеггера, Делеза и Гваттари позволяет представить такую картину социального пространства (Das Man, абстрактная машина фициальности), в котором Я первоначально принимает за свое собственное присущее этому пространству состояние анонимности, обезличенности, осознав же это свое положение, приводящее Я к отсутствию своего лица, индивидуальности, Я меняет стратегию, превращая маску в средство защиты личного пространства, в котором может возникнуть

свое собственное лицо. Этот ход рассуждений приводит нас к мысли, что маска и ситуация маски должны быть поняты как собственный, индивидуальный, творческий способ обретения человеком самости.

В социальном и культурном отношении Я через собственную индивидуальную игру с маской отказывается от места, которое ей предлагается, навязывается в *Das Man*, утверждая собственную сокрытость и дистанцированность. В этом контексте маска может рассматриваться как результат индивидуального выбора Я, приводящего к возникновению, а в дальнейшем и к реализации его индивидуальной стратегии.

Маска и собственная игра Я с маской открывает для Я наличие других, предлагающих, навязывающих ему ее. И поэтому Я может существовать, только отталкиваясь от других, только как отличие от них. Противостояние другим является главным конституирующим моментом самости *Dasein*, ибо Я «осознает смертельную опасность прямого отождествления с царством болтовни и двусмысленности. Идентификация с *Das Man*, с одним из них, со всей очевидностью ведет к измене чему-то самому важному – замыслу Бога обо мне» [4. С.176]. Маска в данном контексте – это подручный инструмент Я в пространстве *Das Man*, и одновременно с этим маска – это своеобразный фальсификат, который личность предлагает вместо себя обществу, в ответ на вопрос: кто ты? что ты? Маска позволяет человеку в пространстве публичного не быть поглощенным игрой готовых ассоциаций, готовых сцен, заложенных самим этим пространством, позволяет человеку сохранить свои собственные, конкретные возможности.

Итак, собственная игра Я с маской есть защита от угрозы быть потерянным, растворенным в мире, защита от страха поглощения, от всякого рода ограниченности. Маска позволяет остаться верным себе, не будучи раскритикованным, тем самым Я как бы играет сразу на двух шахматных досках. Сама стратегия игры Я, скрывающегося под маской в пространстве социального, дает возможность по-новому взглянуть на себя в социальном и выработать новые виды отношений в нем, что приводит к новому способу присутствия Я в социальном.

Идея кризиса значений Я в современной философской мысли, пожалуй, наиболее полно представлена Жаном Бодрийяром, рассмотревшим социальные означающие как объект самоидентификации Я, которая постепенно приводит к подмене собственного Я его социальными означающими. Бодрийяр, вслед за Хайдеггером разрабатывая концепцию кризиса значений Я, приходит к выводу, что современный человек в пространстве социального определяется теми значениями, теми связями, которые он осваивает и с которыми он себя соотносит, выстраивая тем самым свой образ и свою фигуру, обнаруживая в них свою идентичность. Таким образом, Бодрийяр продолжает развивать магистральную идею всей европейской философии XX века – тему фигуры не-Я как способа присутствия Я в пространстве социального. Сама фигура не-Я у Бодрийяра возникает в результате подмены Я его социальными означающими.

В результате мы получаем состояния такого качества Я, когда это Я понимает себя и опознает себя только и конкретно через связи в пространстве социального, где и разворачивается карта значений Я. Здесь социальное пространство предстает перед нами как территория симуляции, ставшая сама симулякр, чистой видимостью и, подобно лицу-машине в *Das Man* у Хайдеггера, социальное-симулякр Бодрийяра принципиально не знает лица. Оно по природе своей его исключает, в конечном счете отрицая его, продуцирует симулякры лиц – маски. Перед нами проблема маски как подобия лица в социальном пространстве, маски, впервые представшей как результат отождествления Я со своими означающими связями в пространстве социального. Социальное пространство постепенно становится единственным способом самоидентификации, и в итоге происходит подмена своего Я социальным. Постепенно Я, инвестируя себя в пространство социального, становится, по мысли Бодрийяра, перехвачен-

ным субъектом. Эта фигура не-Я, социально перехваченный субъект, и является маской-симулякр, совокупность которых насыщает социальное пространство.

По мнению Бодрийера, обусловленность Я означающей связью, продуцируемой Я в пространстве социального, приводит к тому, что Я транслирует свою индивидуальность через социальное, которое и превращается для него в единственную реальность. Само же Я становится машиной, механизмом по производству этой означающей связи. В итоге Я в социальном пространстве отождествляет, приравнивает себя к своей форме – не-Я. Результатом этого отождествления становится Я, постоянно воспроизводящее одни и те же, т.е. свои собственные, значения и связи, проецируя их в мир. Эта формула представлена в работе Д.У. Орлова «Кризис значений есть» как «вещь-под-себя», как «инфантильный персонаж» [5. С.47], или в книге, написанной совместно с А.К. Секацким и Т.М. Горичевой, «От Эдипа к Нарциссу» – как фигура Нарцисса [6].

В самом факте отождествления Я с не-Я скрыта уже определенная онтологическая нехватка Я, связанная с социальным пространством как единственной реальностью, которая приводит к забвению, отсечению аутентичного пространства Я заданным ему местом в пространстве символического. В фигуре не-Я мы видим результат ложной самоидентификации, которая закрывает доступ к подлинному Я, ему для сохранения собственного смысла остается только одно – надеть маску, но уже не прежнюю маску-симулякр, а особую маску, несущую печать индивидуального действия, целью которой становится независимость перед социальным, такую маску, которая выдвигается не со стороны реального или социального, скрывая при этом Я, а со стороны самого Я, позволяя ему развернуть свою самозаконность и авто-номность. Тем самым маска для Я-индивидуального «есть последняя защита от осквернения самой заповедной территории» [4. С.46]. Маска выступает здесь как инструмент сохранения Я-индивидуального, о котором говорили Кьеркегор, Штирнер, Бахтин, как возможность «оформить себя как изнутри, так и извне» [7. С.165], рассмотреть иной способ бытия, стать другим. Поэтому ее нельзя потерять, она не должна упасть, не должна открыться, индивидуальность всегда полна забот о своей судьбе.

Маска является инструментом, который позволяет Я-индивидуальному сохранить, сбросить собственную единичность, всегда по-новому утверждая ее, т.е. становясь другим.

Рассмотрение идеи кризиса значений Я в контексте его отношений с символическим пространством, а также фигуры не-Я как формы присутствия Я в этом пространстве развивает в своих работах также Ж. Лакан. По Лакану, Я всегда идет на отождествление себя с порядком символического, т.е. всегда пытается найти свое место в нем, совпасть с ним. Я собирает себя из черт символического порядка. Символический порядок есть постоянный референт, с которым соотносится и в котором, в конечном счете, определяет себя Я, т.е. символически идентифицирует. Символическое пространство есть в данном случае пространство другого, или, по словам Лакана, «большого Другого».

Символический Другой всегда бросает вызов Я, провоцируя его принять систему означающих символического порядка, конструируя (для Я) желаемую идентификацию. С. Жижек, как известно, определяя символическую идентификацию, замечает: «Символическая идентификация – это идентификация с самим местом, откуда мы смотрим, откуда при взгляде на самих себя мы кажемся себе привлекательными, достойными любви» [8. С.111]. Я тем самым пытается достичь признания Другого и ответить на желание Другого, восприняв его как собственное, ибо «желание человека получает свой смысл в желании другого – не столько потому, что другой владеет ключом к желаемому объекту, сколько потому, что главный объект – это признание со стороны другого» [9. С.38].

Символическое пространство, пространство Другого, порождает символического двойника, раскалывая тем самым структуру Я. Символический двойник становится ответом Я на вызов Другого, и Я в итоге принимает идентификацию в пространстве символического как собственную и подлинную. Двойник становится для субъекта в пространстве символического идеальным Я, к которому оно всегда стремится, но с которым, по мысли Лакана, никогда не совпадает. Я-идеальное (символический двойник Я) Лакана есть маска, которая возникает в результате подмены Я реального Я идеальным, возникающим в ответ на вызов Другого, это то, что Лакан называет передернутыми картами. Эта форма Я-идеального приписывается Я символическим порядком, становясь маской Я реального в символическом пространстве, символическим означающим. Она соотносима с лицом-машиной в *Das Man* Хайдеггера и маской-симулякром Бодрийера.

Индивидуальная, собственная маска есть онтологический метод, который позволяет уходить от значений, которые тебе приписывают другие, проявляя себя в пространстве социального как присутствие и присутствующее отсутствие. Маска позволяет человеку скрыться от других, но не от самого себя, становясь убежищем, раковиной, защищающей хрупкую индивидуальность от настойчивых и внимательных глаз общего. Индивидуальная, собственная маска Я является одной из онтологических форм, которая выступает и как способ самообнаружения Я в социальном пространстве, задавая образ действия ищущего и находящего себя Я. Маска в пространстве социального становится для индивидуальности средством сопротивления экспансии социального, выступая «как средство растожествления, позволяющее обрести критерий внутренней подлинности и хоть в какой-то степени избежать приманки сцены» [6. С.29].

Итак, маска выступает видом коммуникации Я-индивидуального с социальным пространством, такой коммуникации, в которой индивидуальность сохраняет личное, приватное бытие, играя с социальным, проводя качественную границу между своим и чужим, разделяя родной мир и чужой. С одной стороны, маска вычитает Я из социального, но, с другой стороны, в самой игре с маской Я возвращается в социальное, привнося в эти отношения свои правила игры. Маска выступает формой самообнаружения Я в социальном пространстве, а также способом коммуникации с социальным пространством

Чтобы преодолеть онтологическую разорванность Я и его ложного образа не-Я, субъект должен трансгрессировать символическое, чтобы переоткрыть реальное. Я должно усомниться в своем социальном облике, в смысле тех значений и ролей, которые определяют его место в социальном пространстве, перейти границы, которые его определяют, т.е. совершить трансгрессию. Сам трансгрессивный опыт субъекта приводит к новому виду коммуникации с социальным пространством, в которой находят теперь свое выражение его личные, индивидуальные доминанты, рождающие новые отношения Я и социального.

Однако сам акт трансгрессии Я, совершаемый в символическом пространстве, должен быть скрыт от этого пространства, ибо Я- индивидуальность нарушает границы символического и тем самым становится шпионом и разведчиком своей территории. Идея шпиона, персонаж шпиона и способ его экзистенции анализируется А.К.Секацким [4]. Чтобы остаться незамеченным, нераскрытым в сфере символического порядка и совершить акт трансгрессии, шпиону необходима маска. Маска позволяет шпиону видеть, самому оставаясь невидимым. Маска позволяет отказаться от навязанных символическим порядком ролей и значений, внутренне выключаясь из режима принудительной трансляции, ибо Я, выбравшее маску, осознает роль именно как роль, всегда предпочитая ей личную судьбу. Тем самым, маска в символическом пространстве –

это всегда выбор между своим и чужим, между близким и далеким, свободный выбор между застывшим и становящимся. Маска в этом ключе всегда есть результат и новый шаг индивидуального самосознания, который приводит к новому раскрытию Я, к новым горизонтам, становясь гарантом, с одной стороны, нераскрытости шпиона, а с другой – возможностью совершать трансгрессию.

Шпиону для осуществления акта трансгрессии, как мы отметили, необходима маска, чтобы внедриться, «сойти за своего» и с помощью этого совершить трансгрессию; шпион осваивает тактику, которая, по словам А. Секацкого, звучит так: «пусть думают, что я на самом деле играю в их игры, учу их знания» [4. С.176-177]. Кредо шпиона, выбравшего маску: «Se obscuro, ludo, ergo importunus sum» – «скрываюсь, играю, следовательно – неприступен». Экзистенциальный шпион никогда не забывает, откуда он родом, кто он и каковы его цели, сохраняя всегда внутреннюю целостность и неприступность.

Маска в рамках трансгрессивного опыта позволяет действовать в социальном, символическом пространстве, всегда максимально осознавая, где проходит граница своего и чужого, устанавливая между тем и другим свою индивидуальную дистанцию. Деконструкция социального пространства, совершаемая субъектом, избравшим маску, приводит не только, как необходимо показать, к новому виду бытия Я, но и к новым смыслам самого социального.

Библиографический список

1. Хайдеггер М. Бытие и время. СПб., 2003.
2. Deleuze G., Guattari F. A thousand plateaus. London., 1997.
3. Кон И. С. Люди и роли//Новый мир. 1970, №12.
4. Секацкий А. К. Три шага в сторону: Роман, эссе. СПб., 2000.
5. Орлов Д.У. Кризис значений есть // Метафизические исследования. Вып.14. Статус ино-го. СПб., 2000.
6. Горичева Т., Орлов Д., Секацкий А. От Эдипа к Нарциссу: Беседы. СПб., 2001.
7. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М., 1991.
8. Жижек С. Возвышенный объект идеологии. М., 1999.
9. Лакан Ж. Функция и поле речи и языка в психоанализе. М., 1995.

A.S. Kostomarov

THE IDEA OF THE SOCIAL MASK IN THE MODERN PHILOSOPHY

This article is dedicated to the analysis of the social mask in the modern philosophy looking through the crisis of the I-meanings. The mask research in the modern thought makes it possible to reveal the senses displayed by the subject holding a mask as his being-form in the social world and the masking subject communication drawing up. Learning the subject designing reality with the mask gives an opportunity to understand both self-identification obtained through the mask and an individual being mode in the social world as its result.